

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

DOI 10.31029/vestdnc74/8

УДК 811.351.1.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ДАГЕСТАНЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Б. М. Атаев, ORCID: 0000-0001-9241-9412

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДФИЦ РАН

В статье анализируется национально-языковая политика постсоветского периода, проводимая в Дагестане, рассматриваются необходимые условия для выживания национальных языков с разным социальным статусом и перспективы их сосуществования с языками более многочисленных народов. Исследуются проблемы, связанные с языковой политикой, анализируются причины происходящего процесса исчезновения бесписьменных языков и обсуждаются условия, при которых возможно их сохранение.

The article analyzes the national language policy of the post-Soviet period of Daghestan, considers the necessary conditions for survival of the national languages with different social status and the prospects of their coexistence with the languages of the more numerous peoples. The problems connected with the language policy are investigated, the reasons of the occurring process of disappearance of non-written languages are analyzed and the conditions under which their preservation is possible are discussed.

Ключевые слова: языки Дагестана, национально-языковая политика постсоветского периода, проблемы исчезновения языков малочисленных народов, сохранение и развитие языков, лингвоэкология.

Keywords: languages of Daghestan, national language policy of the post-Soviet period, the problem of the disappearance of languages of the small peoples, preservation and development of languages, linguoecology.

После распада СССР в Российской Федерации национально-языковая политика если и проводилась, то только в режиме «гашения» текущих проблем. Некоторому снижению общественно-политической напряженности вокруг этноязыковых проблем способствовало принятие 25.10.1991 г. Закона «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями, внесенными Федеральным законом от 24.07.1998 г.) [1, 2]. Этот закон провозглашает равенство языков, статус русского языка как государственного языка Российской Федерации, действующего на всей территории страны, право национальных республик устанавливать свои государственные языки. В 1990-е и последующие годы в Российской Федерации был также принят ряд законов, которые прямо или косвенно регламентируют национально-языковую сферу жизни россиян. Это законы «Об образовании» [3], «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» [4], Федеральный закон «О национально-культурной автономии» [5], Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [6] и др.

Народы России, как и каждый ее гражданин, имеют право свободно выбирать язык общения и воспитания; создавать письменность и развивать литературную форму родного языка; использовать родной язык в официально-деловом общении с обеспечением перевода на язык государственный. Нет также правовых ограничений для развития или создания средств массовой информации на любых языках, для получения государственной поддержки на книгопечатание и издание литературы на языках народов РФ, на проведе-

ние научных исследований в области сохранения, изучения и развития языков и т.д. Таким образом, федеральные законы дают широкие правовые полномочия национальным республикам сохранять и развивать этноязыковое многообразие. Отдельные республики (Ингушетия, Калмыкия и др.) уже пользуются преимуществами, предоставленными федеральным центром для сохранения и развития национальных языков и культур.

«Политизации этничности» и «этнизации политики» в российском обществе 1990-х гг., о чем обстоятельно пишет М.Н. Губогло [7, с. 211–250], была характерна и для Дагестана. Но важно подчеркнуть, что дагестанцам, руководству республики удалось удерживать этнополитическую ситуацию в Дагестане, отношения Республики Дагестан с сопредельными субъектами Российской Федерации и федеральным центром в режиме управляемости. В этнологической литературе не раз отмечалась роль языка в этнической мобилизации [8]. Язык является одновременно и основанием, и признаком, и символом этнической идентичности. Как показывает дагестанский опыт, в качестве средства этнической мобилизации может быть использовано любое средство общения, в том числе и язык, причем не обязательно родной («этнический»). Примечательно, что в 1990-е гг. в Дагестане политические декларации национальных движений делались, главным образом, на русском языке или через русскоязычные СМИ. Так, например, газета «Дидойские вести», откровенно нацеленная на этническую мобилизацию цезов (дидойцев), выходит на русском и дидойском языках. Выходящая на кумыкском языке газета «Ёлдаш», периодически актуализирующая этнополитическую проблематику, имеет русское приложение «Времена» и т.д.

Субъекты РФ имеют право закреплять в республиканских конституциях в качестве государственных языков, наряду с русским языком, и местные языки. Так, по Конституциям Татарстана, Башкортостана, Калмыкии, Бурятии, Чувашии государственными являются языки титульных народов. В Конституциях республик Мари-Эл, Мордовия, Кабардино-Балкария государственными языками значатся, соответственно, марийский (горномарийский и лугомарийский), мордовский, кабардинский и балкарский языки. В Карачаево-Черкесской республике таковыми считаются абазинский, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский и ногайский языки. По Конституции государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. Цель придания языку того или иного статуса состоит не только в символической записи в Конституции, но и в обеспечении правовых гарантий свободного его функционирования. Провозглашение принципа равноправия языков предполагает и заботу государства и общества о поддержке полноценного функционирования русского языка и как языка великого русского народа, и как средства межэтнического общения, и как первейшего фактора упрочения российской гражданственности, русского самосознания.

В Дагестане четырнадцать «конституционных» языков. Это – русский, аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, чеченский, цахурский языки. Статус остальных языков (андийского, арчинского, ахвахского, багулальского, бежтинского, ботлихского, гинухского, годоберинского, гунзибского, дидойского (цезского), каратинского, тиндинского, чамалинского, хваршинского) в Конституции Дагестана не определен.

В Федеральном законе Российской Федерации «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [6] малочисленными признаются «народы, проживающие на территории традиционного расселения своих предков, сохраняющие самобытный уклад жизни, насчитывающие в России менее 50 тыс. человек и осознающие се-

бя самостоятельными этническими общностями», отмечалось, что «происходила нивелировка их этнокультурной специфики, их интересы в сфере экономики, административно-правой и других сферах не учитывались» [9, с. 164].

Из народов Дагестана к малочисленным народам отнесены агулы, андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, горские евреи и таты, гунзибцы, дидойцы (цезы), кайтагцы, каратинцы, кубачинцы, рутульцы, тиндалы, хваршины, цахуры, чамалалы. Этнографическим курьезом можно назвать то, что сказано о «коренных малочисленных народах» Республики Дагестан в Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (ст. 1): «Учитывая уникальность этнического состава населения Республики Дагестан по числу проживающих на ее территории народов, Государственный Совет Республики Дагестан определяет количественные и иные особенности ее коренных малочисленных народов, а также устанавливает перечень этих народов с последующим включением его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» [6]. Стало быть, власть (а не естественная природа народонаселения) «определяет количественные и иные особенности коренных малочисленных народов»?!

В предпринимаемых с 1990-х гг. инициативах по созданию для «бесписьменных языков» букварей, введению этих языков в школьное образование в качестве предмета или языка начального обучения нет ничего противоправного или невозможного. И в далеком прошлом носители так называемых «бесписьменных языков» располагали интеллектуальным потенциалом, достаточным для транслитерации своих родных языков на основе арабской графики или русской азбуки. Весь вопрос в практической целесообразности таких инициатив. «В этой связи интересен опыт последних лет по созданию агульской письменности, внедрению ее в школьное образование, СМИ. Еще в 1920-е гг. агулы, рутульцы, дидойцы ставили перед правительством ДАССР вопрос о создании письменности на родных языках. Но из-за малочисленности носителей агульского языка, как и носителей рутульского и дидойского языков, из-за отсутствия подготовленных кадров и по другим причинам этот вопрос не получил положительного решения. С 1952/53 учебного года агульские школы с первого класса перешли на русский язык. Тогда же на русский язык обучения перешли рутульские и цахурские школы, в которых ранее, как и в табасаранских школах Хивского района, языком обучения в начальных классах являлся лезгинский язык. Сделано это было в командно-административном порядке, но под лозунгами интернационализма и по “многочисленным пожеланиям трудящихся”» [10, с. 8].

В свое время один из ведущих советских специалистов в области межнациональных отношений А.И. Холмогоров факты перехода на русский язык обучения некоторых народностей СССР, и в частности, агулов, рутульцев и цахуров, прокомментировал как «явления», которые «свидетельствуют, что национальное самосознание отдельных народностей СССР поднялось до понимания объективной необходимости самоассимиляции...» [11, с. 66–67]. Начиная с 1992 г. обучение в начальных классах агульских школ ведется на агульском языке. На этом же языке выходит районная газета «Агьуларин хабарар» («Агульские вести»). Язык этот преподается в ДГПУ и дербентском педагогическом колледже. С созданием письменности на агульском языке, – писал Н.Д. Сулейманов, – «открываются широкие возможности для культурного и духовного самовыражения их носителей». Понятно, что широта этих возможностей ограничена пределами функционирования агульского языка и количеством носителей этого языка (около 20

тыс. чел., из которых примерно 14 тыс. проживает в пределах Дагестана, в том числе треть – в городах республики) [10, с. 12].

С научной точки зрения составление азбуки, букварей, учебных пособий или издание газет на любом из так называемых бесписьменных языков не составляет особых проблем: по всем этим языкам имеются академически разработанные грамматики, созданы словари и т.д. К тому же фонетические различия между дагестанскими языками минимальны, а транслитерация какого-либо из бесписьменных языков на основе уже существующего алфавита литературного языка, например, аварского, лезгинского или даргинского, может быть осуществлена и каким-нибудь вундеркиндом. Словом, здесь есть повод для размышлений, в частности над вопросом разумной концентрации интеллектуального потенциала этих этносов, их маломощного материального и малочисленного демографического ресурсов на первоочередных задачах жизнеобеспечения.

В связи с инициативами по созданию письменности для ряда бесписьменных дагестанских языков возникает вопрос о мотивации таких инициатив. Конечно, по сравнению с устной речью письменный язык дает более широкие возможности для фиксации и систематизации огромного объема разнородной информации, которую не в состоянии освоить ни отдельные гении, ни даже весь народ. Наличие на том или ином языке письменной традиции, ее древность является для носителей языка предметом гордости, престижа. Нет сомнения и в том, что письменность как компонент культуры «дисциплинирует» процесс освоения знаний, совершенствует логическое мышление, упорядочивает и тем самым облегчает механизмы передачи языковых и неязыковых форм культуры новым поколениям и т.д.

Но является ли наличие письменности на том или ином языке обязательным условием его функциональной долговечности? Ведь примерно пятая часть всех языков мира не имеют письменности вообще, более половины не имеют письменных литератур и стандартизированных грамматик и орфографий, и лишь 27% языков имеют нормативные (академические) грамматики и словари и используются в полном объеме в сфере образования и художественного творчества. Таким образом, известный тезис о том, что любой из языков народов мира, в том числе бесписьменный, имеет потенциальные возможности развития до наивысших социально-коммуникативных и социально-культурных уровней, не следует понимать буквально.

Не секрет, что социальные функции, сферы употребления языков с давно устоявшимися письменными традициями неуклонно свертываются и все явственнее ограничиваются пределами семейного и сельского быта. Сказанное в полной мере относится и к освоению, употреблению аварского языка как собственно аварцами, так и этносами, многовековая причастность которых к *болмацI* и общеаварской культурной жизни не вызывает никаких сомнений. Сомнительно другое. Сомнительно то, что самоизоляция от авароязычной среды общения изменит или упрочит естественную идентичность со «своими» этносами, сделает жизнь андо-цезских народов и арчинцев духовно богатой или, с точки зрения этнического самочувствия, более комфортной, убережет их от последствий глобализации, «перемалывающей» этнокультуры целых континентов и многомиллионных народов. Трудно также вообразить ситуацию, при которой кубачинцы получают новый импульс этнического самовыражения, создав свою письменную базу и оставив при этом «на долгую память» художественное наследие А. Абу-Бакара и Магомед-Расула для остальной части даргинцев. Наивно полагать, что на республиканском или федеральном уровнях могут быть поддержаны проекты по возложению на языки

народов Дагестана заведомо непосильных с точки зрения финансового обеспечения социально-культурных функций (например, использование в сфере высшего образования, науки, создание для всех без исключения народов Дагестана «национальных» театров, телекомпаний и т.п.).

Современная этноязыковая ситуация в Дагестане складывается таким образом, что выполнение национальными языками знаковых, социально или политически престижных функций представляется куда менее актуальной, чем то, что родные языки выходят даже из семейно-бытового употребления, их преподавание свертывается уже на стадии начального образования. Как известно, именно, и прежде всего, из-за многоязычия Дагестана в городах республики, в том числе в столице Махачкале, все государственные, общественные и культурные организации, учреждения (за исключением национальных театров и редакций национальных изданий и радио), а также предприятия, учебные заведения, детские дошкольные учреждения и т.д. функционируют на русском языке. Естественно, и языком межнационального общения в общественных местах стал русский язык. Поэтому дагестанские письменно-литературные языки, которые провозглашены государственными языками республики, сравнительно с русским языком ограничены в своих возможностях свободно функционировать и развиваться. Но дагестанцы, не имея иного выхода, вынуждены с этим, на первый взгляд, ненормальным положением мириться. Выбор «третейского» языка и определение в качестве такого языка именно русского языка, как показала жизнь, был оптимальным вариантом, разумной альтернативы которому не было, и нет сегодня. Проблема в том, что в городах, в том числе в Махачкале, нет «постоянного языкового коллектива» языковой среды, которая является минимально необходимым условием для обеспечения преемственности языка. «Единственно такой средой, где дети научились бы говорить на родном языке, могла бы быть семья. Однако, как показали социолингвистические исследования, даже в однопациональных семьях (например, муж и жена аварцы) супруги общаются преимущественно (чаще, чем на русском языке) на своем языке только в меньшей части семей. Наблюдения показали, что присутствие в семье бабушки, дедушки далеко не всегда может быть гарантом того, чтобы внуки научились говорить на родном языке. Как это все мы можем видеть, даже на свадьбе и других семейных торжествах родной язык получил “статус” языка, непонятного для окружающих, на котором при посторонних не принято говорить (“секретничать”» [10, с. 162].

Таким образом, дагестанцы-горожане во втором-третьем поколении (даже при живых родителях) или вовсе не знают родного языка, или могут лишь изъясняться при острой необходимости. В итоге сформировалась новая «социолингвистическая прослойка» горожан, которые «понимают (как они сами считают!), но не могут говорить». «Между этими условными группами горожан в плане речевой деятельности, по сути, нет различия, потому что все они на родном языке не общаются ни дома, ни на улице. Естественно, что горожане уже во втором поколении не умеют читать-писать на родном языке. Однако абсолютное большинство дагестанцев, фактически перешедших на русский язык, все же своим родным языком считают язык своей национальности, видимо, видя в нем символ своей национальной (этнической) принадлежности. Только в этом смысле будет понятен и другой парадокс: 97,4% опрошенных горожан-дагестанцев, включая и тех, кто не владеет родным языком, считают, что их роднит со своим народом язык» [10, с. 180].

Безусловно, каждый гражданин имеет право считать своим родным языком любой язык и определять свою национальную принадлежность по своему усмотрению. Это

личное дело свободного гражданина. В итоге граждане, составляющие не только значительную часть населения, но и представляющую наиболее образованную, научно-технически подготовленную и имеющую преимущественный доступ к современным достижениям науки, техники и культуры интеллектуальную элиту народов республики, фактически оторваны от своего фольклора, художественной литературы, от национальной культуры в целом и, по сути, не принимают участия в жизни своей нации. Это более чем серьезная проблема, которая не может не интересовать общественность республики. Это, действительно, государственная проблема, потому что речь идет о необратимом процессе национально-культурной экологии, а не только языковой ассимиляции. Тем более ситуация, судя по всем социологическим выкладкам, обещает все больше и больше углубляться и обостряться. Село не будет бесконечно пополнять население городов контингентом дагестанцев, свободно владеющих родным языком и умеющих читать и писать на нем. И в любом случае рано или поздно наступит «критический момент», когда в городах коренные горожане будут составлять большинство населения. Кем они будут и как будут вести себя, – трудно однозначно сказать (нет аналогов в обозримой мировой истории). Но не исключено, что, наряду с традиционным и понятным межнациональным соперничеством, возникнут ранее неизвестные внутринациональные трения между «белой костью» и «деревней». На эту складывавшуюся десятилетиями ситуацию не обращали внимания не потому, что не видели ее или не хотели замечать. Наоборот, протекающий в городах процесс языковой ассимиляции дагестанцев и формирования прослойки русскоязычных дагестанцев-горожан как нельзя соответствовал желанию и стратегической политической цели тогдашнего высшего партийного руководства республики, которое считало родные языки дагестанцев злом, от которого надо избавиться, а искусственное создание новой единой социалистической дагестанской нации с русским языком – основной программой своей национально-языковой политики, которую необходимо всемерно осуществлять.

Политика по формированию единой общедагестанской нации с русским языком ускорила и довела до тупика стихийный процесс языковой ассимиляции горожан-дагестанцев, который при существующих условиях объективно другим и не мог бы быть. За годы проведения той политики выросло несколько поколений «идейно подкованных» дагестанцев, убежденных в том, что их родные языки рано или поздно исчезнут, и в этом нет никакой трагедии, наоборот – это показатель прогресса, и цепляться за родные языки – это не более чем наивный провинциализм и узкий национализм. Понятно, изменить ситуацию коренным образом и принудить горожан общаться везде и всегда на своих родных языках практически невозможно. А ради того, чтобы иметь необходимую для преемственности родного языка языковую среду, устроить национальные поселки резервации, было бы по меньшей мере глупо. Но при существующей уже ситуации можно создать приемлемые и достаточно результативные условия для приобщения подрастающего поколения к родным языкам и тем самым в будущем в значительной степени ослабить процесс языковой ассимиляции.

В этой связи считаем возможным во всех городских школах (с учетом положительного опыта некоторых школ) открыть классы по обучению родному языку и литературе и предмет родного языка и литературы сделать обычным основным предметом и обязательным для всех детей данной национальности. Тем не менее проблему защиты горожан-дагестанцев от языковой ассимиляции и этнокультурной деградации невозможно успешно решить вне связи с проблемой родных языков в республике в целом и гармонизации дагестанско-русского двуязычия, и, в первую очередь, радикально не

изменив в лучшую сторону отношение самого дагестанского общества сверху донизу к языковой политике и языковому строительству с учетом специфики языковой жизни Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Российской Федерации от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50. Ст. 1740.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июля 1998 г. № 126-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон “О языках народов РСФСР”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3804.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ч. I. Ст. 7598.
4. Закон Российской Федерации от 09.10.1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (ред. 18.07.2019) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 03.08.2019)
5. Федеральный закон Российской Федерации от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изм. и доп.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9578> (дата обращения: 03.08.2019).
6. Федеральный закон Российской Федерации от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13778> (дата обращения: 03.08.2019).
7. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 816 с.
8. Губогло М.Н. Мобилизованный лингвизм. М., 1993. 316 с.
9. Атаев Б.М. Миноритарные языки Дагестана: состояние и перспективы. Махачкала, 2012. 290 с.
10. Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. 210 с.
11. Холмогоров А.И. Национальные отношения в социалистическом обществе. Проблемы научного управления. Киев: Политиздат Украины, 1982. 142 с.

*Поступила в редакцию 05.08.2019 г.
Принята к печати 26.09.2019 г.*